

ДАНИИЛ СПИВАКОВСКИЙ: «Я СУМАСШЕДШИЙ ПАПА»

БЕСЕДОВАЛА Ольга Тимохина
ФОТО из семейного архива

Журнал «Леди-клуб» является участником Всероссийского проекта «Быть отцом!», который инициирован Фондом Андрея Первозванного, интернет-журналом «Батя» и издательством «Никея».

У актёра Даниила Спиваковского приветливая улыбка, мягкий и одновременно озорной взгляд. Кажется, что в нём и сейчас, несмотря на солидный возраст, живёт мальчишка-хулиган. Невольно ловишь себя на мысли: повезло же детям с таким папой!

СПРАВКА

Даниил Спиваковский родился в Москве в 1969 году. Его мама Алла Спиваковская – психолог и психотерапевт, доктор наук, профессор Московского университета. После школы Даниил подал документы в МГУ на факультет психологии, но не смог набрать нужное количество баллов и устроился работать в психиатрическую больницу. Повторная попытка через год оказалась успешной, но подошёл срок службы, и Даниил был призван в армию.

Вернувшись из армии, Спиваковский восстановился на психфаке. Весной несколько его друзей из студенческого театра решили поступать в театральные вузы. Даниил пошёл с ними за компанию и ...поступил сразу в три театральные училища. Чтобы не бросать университет, Спиваковский пошёл в школу, заявил, что потерял аттестат, получил дубликат и отнёс его в ГИТИС. Четыре года, до окончания университета, он учился в двух институтах.

Получив диплом ГИТИСа, Спиваковский был зачислен в труппу Театра им. В. Маяковского, где играет до сих пор. Первой яркой работой в кино стала роль в фильме Валерия Тодоровского «Мой сводный брат Франкенштейн». В 2007-м Даниил Спиваковский получил премию ТЭФИ за роль советского физика Льва Ландау в фильме «Мой муж – гений». Через год женился. В 2009-м получил звание Заслуженного артиста России. В 2010-м стал отцом. Сейчас в его семье трое детей – дочь Дарья и сыновья Даниил, Андрей.

БЛИЦ

– Кто в доме хозяин?

– В доме хозяйка моя жена. Но есть вопросы, ответы на которые нахожу я. И это правильно.

– Отцовство – это...

–...очень серьёзная работа и большая ответственность.

– Каким должен быть настоящий мужчина – настоящий муж, настоящий отец?

– Любящим своих детей, свою жену, свою семью. В этом всё.

– Что Вы делаете, когда дети не слушаются?

– Зову жену.

– Слова или поступок отца, который особенно врезался в память и повлиял на Вашу жизнь.

– У меня не было отца. Меня воспитывали мама, бабушка и дедушка. Вот дедушка был для меня воплощением мужества. Его отношение к бабушке, к маме были для меня примером мужского поведения.

– Какая книга по-настоящему повлияла на Вас?

– «Ночь нежна» Фицджеральда.

– Первые слова детей. Какие они были?

– Ну конечно, «мама».

– Что самое важное Вы бы хотели донести до своих детей?

– Что надо любить близкого человека. Мне кажется, что мне и моей супруге Свете родители привили этот навык. Мы теперь хотим передать его нашим детям.

– Когда родился Ваш первый ребёнок, Вы легко осознали своё отцовство?

– Я отцом стал поздно. Вообще всё в моей жизни происходило позже, чем у моих сверстников. И рос я медленнее, и с профессией определился позже всех. И жену свою, Светлану, встретил, когда мне было уже тридцать шесть (ей, правда, было восемнадцать). И вот первый ребёнок, дочка родилась, когда мне было тридцать восемь. Потом у нас родился Дания, потом Андрюша. Для меня отцовство стало осознанным шагом. Я был к нему готов, мне было куда привести жену и детей, у меня была крыша над головой. Я был в определённой степени финансово независим.

– Как Вы представляли себе отцовство?

– Я прекрасно помню ночь перед рождением Даши. Мы со Светой ещё были дома, но уже понимали, что завтра она родит. И я ей сказал: «Представляешь, завтра нас уже будет трое... Вот сегодня нас двое, пусть даже ты с этим огромным животом, но вот завтра начнётся совершенно другая жизнь». Да, так и произошло. Потом, когда родился Дания, потом Андрюша, всё было проще.

Знаете, когда первый ребёнок роняет соску, вы кидаетесь искать кипяток, чтобы её помыть. Со вторым вы поднимаете соску, моете её под краном. А когда у третьего ребёнка выпадает соска, вы её спокойно облизываете и даёте ребёнку. Вот такая динамика.

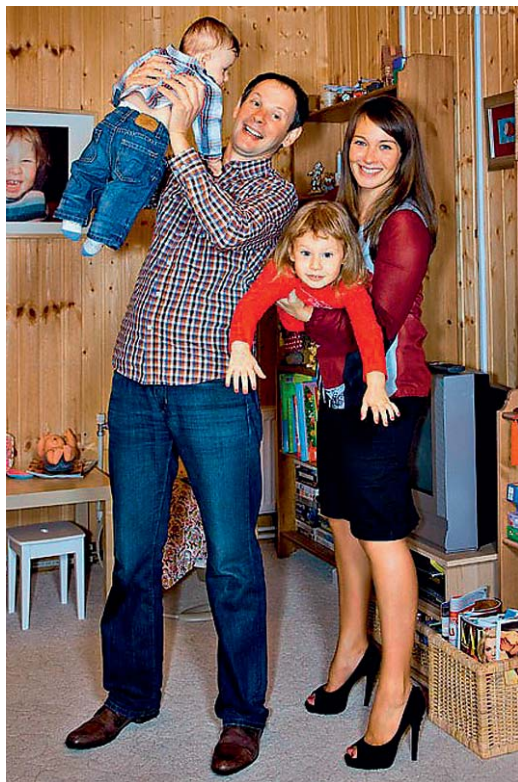
– И что, есть разница: в кипятке, под краном или облизывать?

– Никакой! Ни малейшей! Но это я шучу, конечно. Вообще-то надо кипятить.

– Когда Вы ждали первого ребёнка, это было радостное время, или больше было переживаний и тревог?

– Я сумасшедший папа, и вообще мы такие родители неспокойные. Мы созваниваемся со Светой тридцать раз в день. Минимум! Я звоню отовсюду, особенно если в поездке или на гастролях. Коллеги всегда в курсе, какую шапочку мы надели ребёнку, сколько раз он сходил на горшок и как он сходил, сколько котлет он съел, сколько ложек супа осталось...

– Что Ваши коллеги по этому поводу думают?

– Смеются. Они иронизируют, но, конечно, им нравятся наши отношения в семье – тёплые, искренние, настоящие.

– Вы встречали других пап, у которых была бы такая же глубокая включённость в бытовые вопросы?

– Трудно сказать. Наверное, нет. Я сам не могу судить о своих друзьях и коллегах, но они говорят, что так бывает редко.

– А почему с Вами так происходит?

– Ну, не знаю. Я просто такой человек. Так произошло: мы очень трепетно относимся к детям. И поэтому когда Света была беременна каждым из детей, я очень трясся над ней. Не позволял ей садиться за руль, пользоваться городским транспортом. Только где-то колышет, я тут же заставлял ехать к врачу, у которого наблюдалась Света. А мы всех троих детей рожали у одного акушера-гинеколога.

– Когда пришло то утро, в которое Вас стало трое, что изменилось?

– Жизнь стала более ответственной. Во-первых, она стала более организованной, и это хорошо. Я даже стал больше успевать. Раньше я относительно хаотично существовал, относительно – потому что график артиста довольно плотный. Артист себе не принадлежит: в нужное время он должен выйти на сцену, в нужное время приехать на съёмочную площадку. При всей своей кажущейся беспешачности у нас довольно ответственная работа: всё расписано по минутам. А с появлением детей она стала ещё более расписанной. И я стал более ответственно относиться к себе и к своему образу жизни, потому что теперь я понимаю, что должен себя беречь – для них.

– Скажите, а как Вас воспитывали? И похоже ли это на то, как Вы воспитываете своих детей?

– Мои родители – мама, бабушка и дедушка. Мой дедушка Семён Давидович Спиваковский – фронтовик, военный лётчик, потом гражданский. Прожил с бабушкой 59 лет. Его отношение к бабушке и маме – это тот пример, который до сих пор стоит у меня перед глазами. Я вот так же отношусь к жене, к дочке.

– Дедушка трогательно относился к Вам?

– Да, да, да. Конечно. Он любил меня, очень много со мной возился.

– Чем Вы с ним занимались?

– Он читал мне стихи. Он был хорошо образован, знал два языка. И собственно, несколько глав «Евгения Онегина» я знаю наизусть, потому что мне их в наших прогулках читал дедушка.

– Где вы гуляли?

– По городу или где-то на отдыхе. Дед был пилот первого класса, командир корабля гражданской авиации, у него были возможности перелётов со скидками, и мы отдыхали часто где-то на курортах – в Сочи или в Крыму. Дед мне очень много дал, я его вспоминаю, рассказываю о нём своим детям. А уж мою бабушку, свою прабабушку они знают, ходят в гости к ней несколько раз в неделю.

– Что из детства может придать силы потом, в трудные моменты взрослой жизни?

– Дети должны знать, что у них есть родители, у них есть тыл. У них есть люди, к которым они могут обратиться за советом. И эти люди им никогда не откажут в своей любви, в своём тепле. Это даёт силы и уверенность, поэтому это очень важно.

– Что Вы стараетесь привить своим детям в первую очередь?

– Навык любить ближнего человека. Это навык в определённой степени. Мне кажется, что это передаётся: наши родители научили нас любить ближнего. Это довольно сложная работа – быть внимательным к другому человеку. Дети должны с детства это видеть. И надеюсь, что в их семьях в дальнейшем будут такие же отношения – внимательные, уважительные, как сейчас в нашей семье.

– Любить ближнего – внутри своей семьи или вообще?

– Внутри семьи, конечно. Я с иронией отношусь к таким фразам, как «любите всё человечество», «любите людей» и так да-

лее – это всё болтовня. Это невозможно! Надо любить свою семью, своих близких. Остальных надо уважать. Меня дочка спрашивает иногда о каком-то человеке: «Пап, ты его любишь?» Я говорю: «Нет, Дашенька, я его уважаю». Или я говорю: «Я к нему хорошо отношусь». Или: «Я его принимаю. А люблю я – тебя, Данечку, Андрюшу и маму. Я люблю свою маму – вашу бабушку, родителей мамы, прабабушку вашу Люсю. Вот их я люблю. А всех остальных я уважаю».

– То есть Вы стараетесь показать, что есть разница между отношениями людей?

– Ну конечно!

– А почему это так важно, чтобы дети чётко делили людей на ближний и дальний круг?

– Потому что так устроена жизнь. Так устроены семьи. Любить всех – это значит не любить никого. Так не бывает... Можно любить нескольких человек. А к остальным можно хорошо относиться.

– У Вас есть какие-то взгляды на воспитание?

– Если я начинаю ругать детей, то Света, моя жена, говорит: «Всё, небеса разверзлись! Папа ругается!» Главное, за что мы ругаем – это за несоблюдение правил безопасности. Надо быть аккуратным на дороге, не играть с огнём, не шалить на высоте, не выходить в мороз без шапки, в публичных местах держаться около родителей. Вот если дети что-то из этих правил нарушают, мы можем и поругать.

И ещё мы их объединяем: они же маленькие, у них небольшая разница в возрасте, и бывают споры, ссоры. Но всё равно они очень друг дружку любят и понимают, что они – семья. Для них это очень важно. Дома могут поругаться, но в среде других детей друг за друга стоят горой. Это очень ценно, по-моему.

– Если дети дома поссорились, Вы выступаете как судья?

– Конечно! Мы пытаемся примирить, сказать: «Ты не прав, или ты не права, пожалуйста, поделись». Мы пытаемся понять. Иногда они нас поправляют, говорят, что-то мы не заметили, что-то прошло мимо нас. Дети есть дети. Я сам был сложный ребенок – единственный в семье, избалованный. Может быть, какие-то последствия этой избалованности и сейчас видны. Я был нарушитель спокойствия.

– Что самое ужасное Вы сделали?

– Мою маму часто вызывали в школу. Я был хулиган. Садик и школа полбеда, я нарушал дисциплину и в институте. Я очень не люблю скуку. Когда вот скучно и рутинно, я начинаю всё вокруг себя взрывать и всё менять. Мы живём очень бурно. У нас происходят какие-то карнавалы, мы всё время путешествуем всей семьёй. Знакомые говорят, что у нас итальянская семья. Мы не скрываем своих эмоций и чувств.

– А как дети воспринимают родителей? Безусловно ли для них то, что родители всегда правы?

– Уже сейчас они взрослеют и уже сейчас начинают задумываться над этим. Но безусловной остаётся их любовь к нам. Наши друзья говорят, что их дети иногда больше привязаны к бабушкам или к няням. У нас дети – папины и мамины. Как только кто-то из нас пересекает порог дома, для них перестают существовать няни. Для них есть мама и папа.

– То есть им не хватает общения с вами?

– Хватает! Моя жена Света родила Дашу до поступления в институт, но поступила с годовалой Дашей на дневное отделение и, не беря академического отпуска и не уходя в декрет, родила ещё двух мальчиков, учась на дневном отделении! Сейчас получает диплом, она будет дизайнером интерьеров. Но, тем не менее, Света проводит много времени дома, с детьми. Я, конечно, меньше. Моя профессия – колесить. Но мы друзья с детьми. Мы такие друганы, у нас команда. И это самое важное, потому что они будут взрослеть. Нужно, чтобы они полностью нам доверяли, рассказывали свои секреты, раскрывали свои тайны. На сегодняшний день у нас так и есть. Дай Бог, чтобы так было и дальше.

– Став отцом, Вы узнали о себе что-то такое, чего не знали раньше?

– Наверное, да... Чувства к детям несравнимы ни с чем, и любовь к детям – она исключительна. То, что я, несмотря на свою некоторую избалованность, оказался ради них готов на любые жертвы, для меня не было неожиданностью. Ради детей и ради жены чем-то жертвовать – это понятно. А вот такая преданность и ответственность... Когда я был один, кусок хлеба с маслом всегда мог себе добыть. А теперь я чувствую ответственность за них. Это нечто новое.

